

Самур. Граница.

Приграничные проверки начинаются уже в поезде Махачкала—Баку. По вагонам начинают ходить зелёные мундиры. Русских обычно не беспокоят. Больше всех достаётся азербайджанцам.

Рядом со мной ехала как раз парочка бакинских абортенов—подросток и толстый дядька. Мы, в Сибири, как-то уже привыкли, что азербайджанцы работают таксистами или продают мандарины. Иного не дано. Поначалу я так и подумал про толстого дядьку. Уж больно он был типичный—расплывчатый, загорелый. Хорошо его было представить, как он стоит в расстёгнутой рубашке где-нибудь на Крас тэц, потеет, отдувается, впахивает проходим свои цитрусовые. А на самом деле он оказался главврачом какой-то больницы. То ли уфимской, то ли челябинской.

Мундиры вручили ему декларацию и заорали, чтобы он быстрее доставал свой багаж. Вернее, поначалу они спокойно это ему сказали. Просто он провинился. Он в это время спал (было пять часов утра). Тогда на него заорали. Азербайджанец проснулся и тоже поначалу было против них заартачился:

— А чего вы кричите?—сказал он.

Но те сказали ему, чтобы он немедленно стал поспокойнее. И даже угрожать ему не стали. Просто внушительно так порекомендовали.

И пришлось ему вываливать все свои чемоданы на стол. Мундиры сердито поворожили их, но, так как главврач даже продуктов не вёз, они не нашли ничего криминального и строго ушли. С оскорблённым видом.

Их можно понять—главврач вёл себя очень неправильно. Мало того, что он имел наглость спать в пять утра. Он ещё и пытался выкобениваться. А потом оказалось, что его не в чем обвинить. Естественно, что мундиры были просто возмущены такой непоследовательностью.

От Дербента прямо до границы идёт электричка. Всё это время вдоль дороги тянутся дербентские пригороды. Где-то за час электричка добирается от города до приграничного посёлка Белиджи и пересекает рубежную речку Самур.

Самур—это довольно длинная и очень странная река. Это даже, по сути, не река, а несколько ручейков, которые просто рядом текут. Потому Самур можно не просто перейти вброд, но даже и ног не замочить—перепрыгиваешь ручейки по одному, и всё. Видимо, лишь ранней весной Самур взбрыкивает и заполняет всю долину. Однако в мае он уже был скромнее и уж тем более роль границы никак не мог выполнять.

Когда электричка остановилась, все с неимоверной скоростью вылезли из неё и побежали из вагонов куда-то вниз, по дорожной насыпи. Я подумал, что, вероятно, в лучших советских традициях, граница сейчас закроется на обед, и надо ломиться туда побыстрее. Потому я тоже быстро-быстро за всеми побежал, и увидел, что внизу почему-то никакой границы нет, а проходит обычная просёлочная дорога, да на ней стоят с десяток потрёпанных Жигулей.

Рядом со мной гулко бежал какой-то зелёный мундир.

— А где граница-то?—спросил я у него на бегу.

Мундир, не прекращая своих легкоатлетических упражнений, сделал мне знак следовать за ним.

Вместе мы пробежали к одной из машин и резво в неё сели. Там мундир отдышался и сказал, что нас сейчас доставят прямо к таможене.

Так и оказалось. Причём таможня находилась метрах едва в двухстах. Впрочем, и такси стоило немного—по двадцать рублей с носа.

Всё дело в том, что когда строили железную дорогу, мало кому в голову приходила мысль, что когда-нибудь здесь окажется граница. Поэтому, когда она всё-таки появилась, то её провели как раз между двумя остановочными платформами (ближе причём к той из них, которая получилась с русской стороны). Иными словами, граница оказалась прямо посреди поля.

Этой особенностью и воспользовались местные сельчане. За небольшую эту плату они катаются от платформы до границы. И обратно. Так граница приносит пользу.

Мундир показал мне пальцем вперёд. Там находилось деревянное здание, похожее на разросшийся сельский толчок. Это и была граница между Россией и Азербайджаном.

Сам же мундир взял налево и скрылся в зарослях колючей проволоки. Там, сквозь беспорядочно намотанные колючие витки, просматривалась избушка и какие-то возле неё странные сооружения. Видимо, это были *позиции*. Они были созданы на случай коварного нападения азербайджанцев.

Я подумал мельком о том, каков размер гарнизона в *позициях*. Возможно, виденный мною мундир составлял пятьдесят, а то и сто процентов от общей численности пограничных войск. Впрочем, точно выяснить это так и не удалось. Тайна осталась неразгаданной.

Как выяснилось, суть стремительного бега эмигрантов из дверей электрички заключалась в желании занять очередь впереди всех. Навидавшись российских погранпереходов, я приготовился было к затыжному окапыванию в очереди, но обнаружил, что она продвигается удивительно быстро. К заветному окошечку я подошёл всего минуты за две.

Здесь, конечно, надо упомянуть то, что народу впереди меня было немного—едва человек десять. И все были с лёгким багажом, ибо основные мешочные орды остались позади. Они паковались в такси.

Русский таможенник оказался полностью индифферентен. На мой рюкзак он даже не взглянул, быстро посмотрел паспорт и отпустил меня за границу.

Далее я попал на асфальтированную дорожку, в конце которой стояло ещё одно здание. Рядом с дорожкой росли кусты. За ними виднелся какой-то ручеек. Солнце уже встало. Хотелось спуститься к этому ручейку и в нейтральной зоне, на бережочке—посидеть. Это же очень интересно и приятно—сидеть вне всех государств.

Я заметил, что один солдат так и сделал. Он как раз сидел на берегу и стирал в ручейке какие-то тряпки. Рядом с ним вольготно возлежала собачка. Для пущей интриги солдат оделся так, что по нему было непонятно, к какой из пограничных армий он принадлежит. Возможно, это вообще был дезертир.

Самое же интересное, что дальше, за ручейком, по нейтральной территории вовсе начинался какой-то огород. Я представил даже себе, как некая дербентская бабка собирается утром на дачу: — Ну, поеду за границу — картошки накопаю...

На азербайджанской таможне очередь была больше и двигалась медленнее. Со мной тут же все познакомились. Я успел показать свою суперкнигу. Все посмотрели в ней мою фотографию. Взамен меня снабдили информацией о моём будущем.

Я узнал, что за границей начинается городок Ялама, однако до него надо идти пешком чуть ли не час, а лучше — опять-таки — взять такси. Наверное, Ялама есть деревня с самым высоким уровнем таксистов на душу населения.

Также я узнал, что азербайджанские пограничники потребуют с меня взятку. И азербайджанские милиционеры тоже все поголовно взяточники. Или даже так — самые взяточные взяточники в мире. Гораздо взяточнее русских, хотя это и сложно представить.

Кстати, и в Интернете также об этом свойстве азербайджанской полиции писали многие. Потому я внутренне начал было тревожиться и совершенно зря — ни разу никакой милиционер ко мне не полез за взяткой. Нигде меня не задерживали и ни в какие камеры пыток не сажали.

Тем более, что у меня ведь было оружие — железнодорожная ксива.

А действенность её в Азербайджане, как мы позже узнаем, оказалась просто запредельной.

Южные пограничники пропустили меня также довольно быстро. Единственное, что они потребовали от меня — показать суперкнигу. Слух о ней опередил очередь и распространился по ней, словно космическая чума. Так что на таможенный пост я прибыл уже в ранге знаменитости.

Я даже мысленно порадовался, что так и не встретил в Ростове редактора Карена — иначе ведь суперкнига была бы подарена ему и не облегчала мне жизнь.

Насладившись видом моей рожи в книге и во всяких ракурсах сравнив её с оригиналом (я даже очки снял), таможенники поняли, что теперь и им надо показать свою удачу. Некоторое время они размышляли. Потом нерешительно спросили, что у меня в рюкзаке. Я нахально ограничился словесным описанием.

— Тут одежда. Тут документы. Тут карты.

Даже открывать замок не стал:

Азербайджанцы, впрочем, не настаивали. Они подумали, наверное, что такая теперь новая мода — верить на слово.

Лишь самый старший из них нерешительно вынул:

— А что за карты?

Я рассказал, что коллекционирую карты, и в каждом городе, где бываю, обязательно покупаю карту — на память. Даже (так и быть!) расстегнул застёжки на рюкзаке и показал им первую попавшуюся карту (это оказалась Махачкала). Азербайджанцы рассматривали её с таким видом, словно там были изображены окрестности Юпитера. Особенно их потрясло, когда они обнаружили на карте футбольный стадион. Лица их выражали гордость за прогресс человечества.

Я же вдруг вспомнил, что в той же пачке карт лежит и мой блокнот. И в этом самом блокноте мы с моим ростовским знакомым Рафаэлем всю обложку исписали армянскими буквами. И если вдруг южане полезут рыться в картах дальше, то обязательно обнаружат следы этих наших упражнений. И у меня немедленно возникнут проблемы самого глобального масштаба. Ведь Азербайджан и Армения до сих пор воюют из-за Карабаха.

Вот интересная особенность путешествий по Кавказу. Без курса политинформации туристу приходится здесь туго.

Впрочем, таможенников Махачкала полностью удовлетворила. Они облазили носами весь город (включая рекламу медицинского центра доктора Канаевой), и, видимо, остались полностью удовлетворены.

В мой паспорт шмякнулся зелёный штамп, и путешественник Яковлев весело побежал за границу.

IV. Азербайджан

Этимология

Несколько лет назад в Азербайджане перешли на лагинуцу. Едучи по местным дорогам, очень мило и поучительно смотреть на такие, например, названия, как «Khutor», «Ol'hovka» или «Krasnaya Sloboda». Встречаются здесь очаровательные кентавры вроде «Udullu Vtoroe», после которых становится даже интересно, что такое «Удуллу». Искренне порадовали также посёлочки «Baeda» и «Turoi» на трассе Махачкала — Баку. Хотя вполне может быть, что я неточно прочитал названия — ехали мы довольно быстро.

Кстати, город Баку на самом деле вовсе не Баку, а Баки. Точнее, даже, так — «Baki». Азербайджанцы, впрочем, очень уклончиво отвечают на вопрос об истинном имени своей столицы. Я не раз у них спрашивал:

— Как же всё-таки правильно — Баку? Баки? Бақы?

Обычно мне отвечали таким странным образом — что, вообще-то, правильно говорить «Бақы», но так как я из России, то мне можно говорить Баку. То есть, это такой экспортный вариант. А если я начинал углубляться в этимологические дебри, то азербайджанцы обычно говорили вовсе так:

— Да нам, вообще-то, всё равно.

Думается, это абсолютно верный подход.

В классическую лагинуцу в Азербайджане привнесли всего одну новую букву. Это буква «ə» («е перевернутое»). Ввели её потому, что без неё,

вроде как, совсем никуда. И в самом деле,—это самая популярная азербайджанская буква.

Она есть в названии страны—«Azərbaycan». В президентской фамилии «Əliyev». И так далее. Читать её правильно нужно как нечто среднее между «а» и «э».

Ялама: начало цивилизации

Как только я вошёл в Азербайджан, ко мне сразу подошёл человек. Он хотел изменить моё мировоззрение в корне. Суть его проповеди содержала, вкратце, два пункта.

Во-первых, я должен был немедленно поменять рубли на азербайджанские манаты, причём прямо сейчас и именно у него.

Во-вторых, я должен был так же немедленно нанять этого мужика и его машину и доехать на нём до деревни Ялама за двадцать манат.

К счастью, я заблаговременно поглядел в Интернете обменный курс и знал, что один манат стоит сорок пять рублей. Также я знал, что до Ямалы прямым ходом три километра, и тариф в двадцать манат (или, что то же самое, тысяча рублей) мягко говоря, преувеличен.

Потому я совершил чудовищное злодеяние и отверг все предложения смуглого мужика. С лицом, выражавшим все оттенки мировой скорби, он поплёлся за мной. Его заунывный голос призывал меня одуматься и предсказывал в противном случае страшнейшие кары—что я буду обманут, что я попадусь грабителям, что не доберусь, наконец, никогда до Яламы и буду вечно блуждать в пустыне (да-да, где-то возле границы, по мнению проповедника, скрывается бескрайняя пустыня!).

В таком апокалиптическом антураже я прошёл свои первые азербайджанские метры. Впрочем, через несколько минут мой первый азербайджанский друг разочаровался во мне и рысью покакал обратно к таможне в поисках кандидатуры поспокойнее.

Я же прошёл через табор местных таксистов (кстати, самый обширный во всём Азербайджане). Здесь цены были более разумными—до Яламы можно было доехать за сумму от 2 до 4 AZM (90–180 рублей). Мне, однако, и такой тариф казался завышенным, и я пошёл себе дальше.

Пройдя таксовый табор, я встал у обочины. И первая же попутная машина (был это древнейший синий «Москвич») радостно остановилась, и безо всяких тарифов водитель повёз меня в Яламу.

Рыночный миф об азербайджанцах заставляет нас всегда ждать от них—тарифов. В России азербайджанцы считаются неким исключением из кавказских народов. Расхожие кавказские мифы—гостеприимство, добродушие, бесребренничество—не распространяются на них. Азербайджанцы считаются такими кавказскими евреями, озабоченными только денежной стороной дела (также часто такой образ складывается об армянах).

Всё это, господа, есть полная чушь.

В Азербайджане автостоп невероятно лёгко. Машины останавливаются по первому твоему мановению. Жители страны гостеприимны,

хлебосольны и всегда доброжелательны. Большинство их по-доброму относятся к русским. Хотя думают о нас, так же, как мы о них,—русских часто считают сутяжным, расчётливым народцем, который все отношения поверяет рублями.

Ведь с тех пор, как между Россией и Азербайджаном есть граница, русский и азербайджанец встречаются только на базаре.

Но и сломать эту традицию легко. Делов-то немного—лишь выйти с базара.

Тимур

Водителя «Москвича» звали Тимур. На границе он встречал своего сына. Тот был на заработках в России.

И вот этот самый Тимур—представитель, как вы помните, самой скаредной и негостеприимной нации—почему-то не только не взял с меня ни рубля. Доехав до дома, он высадил сына, которого не видел несколько лет, и повёз меня—человека, которого видел первый раз в жизни,—на центральную площадь города. Там мы пошли в центральный магазин, в служебный ход, к какой-то тётке (которая была, как оказалось, главным обменным пунктом). Поменяли рубли на манаты по самому выгодному курсу (1 к 42-м).

Затем этот Тимур повёз меня обратно на центральную площадь, нашёл там таксистов, которые могли бы довезти меня до райцентра, начал с ними бешено торговаться.

Разругался с таксистами.

Остановил местного милиционера, который случайно попался под руку. Всучил меня этому милиционеру. Договорился о цене.

Разругался с милиционером.

Я не зря учил турецкий язык, и мог потому понимать хотя бы цифры, которыми они перекидывались; милиционер просил сначала пять манат. Тимур давал один. Тот просил три. Потом два.

На том, наконец, сошлись.

Быстро Тимур затолкал меня в машину к азерскому менту (пока тот не одумался) и помахал ручкой на прощание. Я даже не нашёлся, чем отблагодарить его. Денег он не просто не взял. Он и вёл себя, как настоящий человек. Которому и предложить-то деньги было обидно. Он просто помогал мне.

Потому я поблагодарил его тоже просто и по Правде. Я сказал ему «спасибо».

Не более, и не менее.

Сервис милиционера Фарид

Я бы, конечно, и без Тимура уехал из Ямалы. Остановив попутку, например. Просто было неудобно объяснять это всё Тимур—он ведь тратил на меня своё время, договариваясь с местными таксистами (и обнаружив лучшего из них—неожиданно—в лице туземного мента). Так что за два маната (90 рублей) я поехал на менте.

Звали мента Фарид. Внешне он представлял собой некий гибрид Фернандела и Юрия Никулина. Или, другими словами—лицо у него было круглое, как блин, и на блине этом кто-то проковырял глаза, нос и рот. Рот же постоянно улыбался.

Фарид был единственным человеком в Азербайджане, который постоянно думал о деньгах. Ещё когда только мы трогались с места, он уже спрашивал, есть ли у меня манаты. Я сказал, что манаты есть, и что я в курсе насчёт того, о какой цене они договорились с Тимуром. Фарид заметно огорчился этому факту.

Подумав, он решил разнообразить беседу:
— А сколько у тебя манатов?—спросил он.

Я откровенно показал ему те деньги, которые мне наменял Тимур в продуктовом магазине.
— Это на тысячу рублей?—уточнил Фарид. Некоторое время после этого он занимался подсчётами. Его брови сходились и расходились, как костяшки счётов. Наконец, он удивлённо сказал:

— Всё правильно. Даже не обманули.

Затем добавил:

— Если ты дашь мне все эти деньги, я отвезу тебя до самого Баку. Прямо сейчас.

И поглядел на меня с неподдельной радостью. Я тоже посмотрел на него с благодарностью и умилением, но отчего-то не захотел ехать прямо в Баку. Это очень сильно удивило Фариду. Ещё больше он был поражён, когда я отказался ехать с ним в соседнее село за свежими и самыми лучшими в стране персиками. И очень дешёвыми, естественно.

Минут через десять мы приехали в райцентр Худат. На местном автовокзале теснились в рядок жёлтые газели. Одна из них как раз была до Баку, и стоила почему-то не тысячу рублей, а в пять раз меньше (4 маната).

Я отдал своему шофёру две назначенные бумажки. Он помусолил их, проверяя, не положил ли я, случайно, пару лишних банкнот. Напоследок Фарид сделал последнюю попытку приручить мои деньги:

— За два маната я тебя в этот автобус посажу с полным сервисом.

— Как это?

— Занесу тебе чемодан, дверь закрою за тобой аккуратно. Хороший сервис.

Предложение Фариды было необычайно соблазнительно. Где ещё можно добиться, чтобы мент потаскал твой рюкзак, да ещё и ласково посадил тебя в машину? С другой стороны, Фарид назначил немалую цену за то, чтобы хлопнуть автобусной дверью. Так что я решил уж его не баловать, и сам затащил свои шмотки в газель. И даже дверь сам за собой закрыл.

Автодорога Худат—Баки

Всего пути от границы до столицы в Азербайджане—чуть больше двухсот километров. Этот путь мы проделали довольно быстро.

В дороге я развлекался тем, что считал экскаваторы. Сбился на второй сотне. Казалось, их согнали сюда со всего Кавказа. Возникало даже впечатление, что к моему приезду азербайджанцы вдруг решили починить все дороги.

Самая популярная вывеска на азербайджанском придорожье—«Моика». Оно и понятно—в экскаваторной пыли чистым не поедешь. А вот

совершенно необъясним другой популярный слоган—Лерка. «Лепок» этих по дороге на Баку штук шесть. Не иначе, как популярнейшее развлечение сезона.

Также по дороге вы встретите важнейший туристический объект новейшей истории Азербайджана—мавзолей Гейдара Алиева.

Баку / Baki

Баку—единственный большой город в стране. А заодно—крупнейший город Кавказа. Сюда ведут, естественно, все местные дороги. Соответственно, мимо Баку в Азербайджане не проедешь. Я, впрочем, и не собирался.

Дрессированный общественный транспорт

В Баку есть метро, но назначение его совершенно непонятно. В России тоже есть такое непонятное метро—в Самаре. Только Самарское метро бежит с окраины на окраину, а Бакинское—из центра в центр.

Поэтому здесь принято ездить на автобусах. Причём они сильно мутировали в сторону такси, ибо останавливаются по первому взмаху руки. Официальные автобусные остановки существуют, но обычно остаются пустыми.

Характерный Бакинский автобус—это упитанный такой бегемот, который степенно едет вдоль обочины и тормозит через каждые десять метров. После чего в него запрыгивает очередной пассажир. Иногда водитель даже двери не закрывает.

При всём том перемещаются автобусы необычайно быстро. Добавим сюда ещё отсутствие пробок (в исламских городах как-то умеют с ними справляться). Так и выходит, что от окраины до центра можно добраться едва за полчаса.

Близость моря позволяет Баку не сгореть от жары. Поэтому на улицах тут редко встречаются арыки—в отличие от Средней Азии, где они выполняют как раз функцию кондиционера.

Песочный город

Центр города—несколько параллельных прямых улиц, почти как и у нас в Красноярске. Здесь сконцентрированы и все главные туристические примечательности. Главная из них—старая крепость. Это небольшое и тесное нагромождение каменистых кварталов, общим размером с нашу Предместную площадь. Полтора века назад здесь жил Бакинский шах. Его дворец занимал половину территории. Ещё четверть приходилась под усыпальницу его предков, а на оставшихся метрах помещались ещё тринадцать тысяч человек (именно таково было население старого города)

Пешком старую крепость можно обойти очень быстро—чуть не за десять минут. Однако делать этого не следует. Место это достойно более медленного внимания.

В каменном городе почти нет растений, однако стены домов дают много тени, и улицы прохладны. Камень здесь имеет светлый цвет, и дома кажутся оттого песочными, похожими даже на печенье. Эта песочная игрушечность очень привлекательна.

Лестницы в крепости необычайно круты — иногда ступеньки чуть не до метра высотой. Окна же в домах, наоборот, узки, так что иногда и руку не просунешь. Да и всё равно на каждом окне ромбовая решётка.

Хотя сам Баку стоит на относительно ровном месте, крепость почему-то скачет сверху вниз необъяснимым образом. На сто метров попадают перепады в три этажа. И обратно.

Набережная Азербайджана

Единственное место, где Баку соприкасается с Каспийским морем — это официальная набережная. Я бы так и посоветовал её назвать. Набережная Азербайджана.

Здесь находится дворец президента. Как и полагается, он напыщен, обладает пафосными башенками и глуповатым металлическим забором.

Однако бакинский вечер может преобразить и его. В лучах подсветки (как же дворцу без подсветки?) он приобретает этакое лазурное свечение. Становится даже приятно думать — вот, мол, я стою на набережной, а где-то там в кабинете работает президент. Вот около Кремля не очень-то думаешь о том, что кто-то там работает или не работает. Скорее уж о том, кто лежит. А на Набережной Азербайджана — думаешь. В этом достоинство Бакинского вечера.

В отличие от расхожего стереотипа, в Азербайджане (да и вообще в большинстве южных стран) очень спокойно, и улицы отнюдь не полны ворами, попрошайками и пищевыми отходами. По Баку можно без опасений гулять ночью.

И пресловутый фундаментализм в Баку тоже не ощущается. Мечети встречаются не чаще, чем православные и даже католические храмы. Девушки ходят себе в мини-юбках, а отнюдь не в парандже. Разве что пьяных не видно. Так это только и к лучшему. Зато — на меня опасно косятся, когда я пишу в блокнот. Это дурной знак — значит, цензура тут ещё хуже, чем у нас, и водятся стукачи.

Бакинский вечер

А вот вам для примера вечерние развлечения бакинцев.

Качели. Неплохо, да?

Гонки на игрушечных картах! Комната смеха (где вы в России в последний раз видели комнату смеха?) И так далее.

Лишь пивнушка невдалеке от вокзала показывает этот приятный игрушечный народ таким, как он есть. Без некоторого детсадовского антуража.

Руки в Баку моют после еды, ибо многое (салат, например) едят руками.

На сто рублей можно обожраться до неприличия. Я вот потратил три АЗМ на двойную порцию коллет (который на развес! до сих пор где-то есть такое на свете!) с картофельным пюре и с двойным пивом.

Vogzal

«Вокзал» по-азербайджански будет «vogzal».

Железнодорожный Бакинский вокзал, в лучших традициях — на ремонте. Последних года два. Огромный, с низким потолком кассовый зал полон всякой строительной дребедени. Кое-где в нём не работают лампы. Из полумрака оскаливаются пробитые стены. Кажется даже, что недавно сюда попала пара-тройка авиабомб.

Об электронном расписании поездов на *vogzal'e*, конечно, не может быть и речи. Более того — здесь даже обычного расписания нет.

Единственный экземпляр такового есть в справочной кабинке. Там сидели две черноокие тётки. У них было чёткое распределение. Первая ничего не понимала по-русски, и, соответственно, отвечала за работу с резидентами. Вторая знала русский и, как бонус, умела считать по-английски до десяти (но не далее — слово *hundred* для неё уже загадка).

Справочницы работают с вами неохотно, а видя, что вы ещё и не знаете язык, вовсе перестают отвечать на вопросы. Это называется «азиатская вежливость второго сорта». Степень и знак её напрямую зависят от уровня вашей внешней респектабельности. В России такая избирательная вежливость тоже весьма распространена.

Лучший способ справиться с глупой справочницей — просто выхватить у неё из рук расписание. Я так и сделал. Отгороженная кабиночным стеклом, тётка ничем не могла мне помешать и просто угрожающе верещала там у себя внутри. Тем временем я изучил расписание и переписал нужные поезда себе в блокнот.

Однако это оказалась только первая часть.

В кассе обнаружилось, что на нужное мне грузинское направление сегодня билетов нет. Как и на все остальные. И билеты хоть куда-нибудь есть только на послезавтра.

Нехватка билетов — хроническая проблема для большинства стран зарубежной Азии. У них попросту не хватает вагонов. Решают проблему по-разному. Где-то продают билеты по жесточайшим котам, а где-то возят людей вместо вагонов на открытых платформах и в цистернах. В Азербайджане пока до цистерн не додумались. Поэтому всем путешественникам свои места рекомендуется выкупать заранее. Или доставать по блату.

Блата у меня не было. И лишних суток тоже.

Зато у меня была суперкнига. С ней я и топтал к начальнику вокзала. Дежурно мы поулыбались, я показал свой портрет в суперкниге, а начальник позвонил насчёт чая. Затем я подал ему своё удостоверение и спросил, нельзя ли в честь железнодорожной солидарности и человеческого интернационализма взять и как-то всё быстренько с билетами устроить.

Начальник вокзала поглядел на печать в удостоверении, увидел, что она заграничная, и резко потерял всякий интерес к моей личности. Более того, он обнаружил на своём столе важнейшие бумаги и немедленно погрузился в их изучение. А также внезапно забыл русский язык. Одним словом, включил избирательную вежливость.

Но у меня тоже было своё секретное оружие. Специальное бронебойное оружие, созданное

по магической формуле «клин клином», и предназначенное специально для подобных случаев. В данном случае — «буквоедство — буквоедством».

Причём с начальником Бакинского вокзала не пришлось даже полностью разворачивать диспозицию. Оказалось достаточно следующих подготовительных действий: открыть блокнот и сказать: — Хорошо, будем разговаривать по-другому. Давайте-ка я запишу вашу фамилию.

Начальник некоторое время размышлял, стоит ли открывать сию важнейшую тайну. Потом он всё-таки открыл рот и постарался как можно невнятное пробурчать, как его зовут. Вышло что-то вроде: «Чарма-Лупа». Я старательно записал эти сведения на клетчатую страничку.

Видимо, оборона у Чарма-Лупы была не из сильнейших. Так что она сразу дала сбой. Не успел я точку поставить, как в комнате появился какой-то седоватый вертлявый мужичок и немедленно стал куда-то звонить насчёт билетов. А заодно и приподвавший чай принесли.

И через пять минут шёл я из логова Чарма-Лупы в восемнадцатую кассу, где уже «обо всём знали» и продали мне билет на другой конец страны — до Гянджи.

Кстати, стоил он сущие копейки. Два этих города разделяет около четырёхсот километров. И сколько, думаете, я заплатил? Три с половиной маната (150 рублей). Причём два из них — был обязательный сбор за бельё, а сам билет выходил в пересчёте на русские деньги — чуть более полтинника. Так и выходит, что азербайджанская железная дорога — самая дешёвая в мире.

Всю страну можно проехать за копейки. Пусть и азербайджанские.

Поезд Баку — Акстафа

Азербайджанские поезда от русских отличаются лишь немногими незначительными деталями. Например, на местных локомотивах можно встретить надписи сразу на трёх алфавитах — местной латинице, русской кириллице и грузинской виноградной вязи.

Проводник в вагонах — царь и бог. Беспокоить его не полагается. За бельём дисциплинированные пассажиры ходят сами. Чай тоже делают сами, и даже титан, кажется самостоятельно растапливает.

Я, впрочем, за бельём не ходил. Ибо ещё до отправления я стал местной вагонной знаменитостью. Видимо, русские — да ещё из Сибири — здесь встречаются нечасто. Соседние парни сбегали за моим подушечным комплектом и долго выбирали самый лучший (он, впрочем, оказался таким же серым, как и остальные). Соседи снизу посоветовали положить рюкзак к ним в рундук — чтобы не украли ночью. Воровать у меня в рюкзаке (кроме суперкниги) было особо нечего, но я всё равно их послушался.

Забывтый русский язык

К слову, о русском языке. Ходят упорные слухи, что бывшие страны соцлагеря тщательно стараются забыть русский. Это, конечно, полная ерунда. Однако старики действительно говорят по-русски

лучше молодых. Это объясняется просто — ведь в советское время у них было гораздо больше практики. Молодые, как правило, знают язык на том же уровне, как средний россиянин знает английский. Иными словами, хочет говорить, но не может. Впрочем, пару простых фраз склеить сумеет и он.

Русский остаётся здесь главным международным языком. В приграничных районах Грузии и Азербайджана почти все надписи на русском. Пока вы находитесь там, вполне может сложиться впечатление, что Союз до сих пор существует.

Совершенно в Закавказье не котируется английский. Не говоря уж о немецком и прочих, менее распространённых, наречиях.

Волшебную силу зато имеет знание арабского, или хотя бы умение писать арабской вязью. Азербайджанцы в массе своей — такие же мусульмане, как и русские — православные. То есть искренне верят, но сами толком не знают, во что. И виньетки арабского письма для них — уже не просто буквы, но более символ. Если вы сумеете написать азербайджанцу его собственное имя арабскими буквами — он будет чувствовать себя вашим сердечным должником.

Фронт-за-горой

Гянджа известна была в Советском Союзе под именем Кировабад. Известен он прежде всего, тем, что отсюда родом был великий поэт Низами. В остальном же это самый обычный виноградный городок. В последние десятилетия, впрочем, Гянджа обрела неожиданно другой статус. Внезапно этот город посреди Азербайджана оказался вдруг приграничным и даже прифронтовым.

Когда на перроне Гянджи выходишь из поезда, то сразу можно видеть далёкий хребет Карабаха. Там и проходит уже двадцать лет призрачная граница, а реально — фронт. Несмотря на то, что на всех картах Нагорный Карабах окрашен зелёным цветом Азербайджана, уже двадцать лет, как эта территория фактически занята Арменией.

От Гянджи до грузинской границы около ста пятидесяти километров. На всей этой территории неофициально существует военное положение. Мои вагонные знакомцы помогли мне сесть в автобус до городка с многоэтажным названием (сами азербайджанцы называют его по-русски — «Krasny Most» или даже проще — «Granitza»).

Водитель предложил мне на всякий случай лечь на заднее сиденье и прикрыться багажом остальных пассажиров. Мотивируется это тем, что я не похож на азербайджанца. Полицейские не будут разбираться — в лучшем случае высадят с рейса и посадят в кутузку. А это минимум неделя в тюрьме — пока будут посылать всякие дурацкие запросы в Баку, и обратно будут идти ответы и отписки...

— И это в лучшем случае, — солидно сказал водитель. Пассажиры в автобусе согласно и печально кивали:

— Полицейские у нас дураки, — проговорил некий старик, — им проще его застрелить, чем возиться. — Полицейские не только у вас дураки, — ответил я, — но ведь на армянина я тоже не похож.

Уповая на авось и на интернациональную азиатскую безалаберность, мы стали трястись по кошмарным местным дорогам. Эскаваторы, которые согнали к Каспию, дойдут сюда ещё нескоро.

Лишь в самом приграничном городке Газах нас ненадолго останавливали на шмон. До Армении меньше пяти километров; её загоразивал от нас небольшой холмик. Печально на нём чернели какие-то развалины. Думается, впрочем, это не свидетельства былых военных разборок, а, скорее, какой-то бывший сарай, осевший от собственной дряхлости.

Пятнистый боец поднял шлагбаум, и, нисколько не интересуясь нашими багажными личностями, махнул рукой — «Проезжайте!». Моя загорелая физиономия тоже особого внимания не удостоилась.

Мы поехали дальше. Мой друг из поезда вышел в какой-то пограничной деревеньке. Рядом со мной остались только водитель и некий подросток. Путаясь в словах и падежах, он начал что-то мне рассказывать.

На таможне повторился традиционный уже ритуал — показываю загранпаспорт, суперкнигу, своё железнодорожное удостоверение. Вновь посмотреть мою фотографию собирается весь боесостав таможни, все местные мигранты и даже задержанный сопливый контрабандист. Азербайджанцы на всякий случай интересуются: «Артём — это не армянская ли фамилия?». Однако я как бы не понимаю намёков. Деньги не достаю. Тогда просят снять очки.

— Вроде не похож? — говорят они друг другу и показывают на фотографию. — Уши какие-то другие.

И смотрят на меня. Я по-прежнему не понимаю намёков.

— А ещё одной такой книги нет у тебя? — спрашивает таможенник.

Нету у меня ещё одной книги. А может быть, я им эту хочу подарить? Нет, почему-то не хочу. Она мне очень нужна. Я везу её в Грузию, вручать в правительство, в самый важный кабинет. И в Азербайджане у вас уже одну такую подарил. Тоже министру.

Ну, раз министру... Тогда ладно.

Разочарованно отпускают меня в Грузию.

v. Грузия

Храми и Мтквари

Вблизи границы протекала река. Судя по её внешнему виду, она и должна была числиться главной кавказской артерией и гордо называться Кура́.

Вид у реки был такой: бурное широкое русло и песочного цвета вода. Глубиной река была едва ли в один метр. Впрочем, кавказской реке особой глубины и не требуется. Она другими гордится достижениями.

Я спросил у пограничника:

— Это река Кура?

Однако пограничник сказал, что это никакая не Кура, а Храм. И действительно, когда я позже проезжал по мосту через неё, то в самом деле обнаружил надпись по-грузински — «Храми».

Храми течёт по южной Грузии и впадает в Куру приблизительно в паре километров от того места, где я покинул Азербайджан.

А собственно реки «Кура» в Закавказье не существует. Грузины зовут её Мтквари, азербайджанцы — Кюр. «Кура» — это турецкое название.

Почему-то грузины некупаются в Куре / Мтквари. Или делают это как-то очень скромно, чтобы я не видел. Также над Курой не стоят сердитые мужики с удочками. Зато и покрывки не плавают вперемежку с пластиковыми бутылками. А это уже само по себе неплохо.

Грузинский Duty-free:

утраченные иллюзии

Нейтральная полоса между Грузией и Азербайджаном продолжается около полукилометра. Водятся там животные двух типов: дальнотыщики и пчёлы. И те, и другие многочисленны, сонливы и апатичны. Для путешественника безвредны.

Возле грузинской таможни стоит стеклянный магазинчик duty-free. Пожелав приобрести там халявное, свободное от пошлин пиво, я впервые присмотрелся к нейтральным ценникам. Оказалось, что ценники эти нисколько не дешевле своих государственных аналогов. Соответственно, никакой выгоды от этого duty-free не существовало.

Было, однако неудобно уйти без покупок. Так бывает иногда в большом супермаркете. Если ты проходишь с пустыми руками мимо кассы, все смотрят на тебя с недоумением, возмущением и даже некоторой горечью.

— Как это ты ничего не купил? Не задержать ли тебя на всякий случай?

Так и здесь два грузина за прилавком столь предупредительно и жалобно на меня смотрели, что пришлось купить — таки бутылку какого-то барахла.

Волшебный таможенный корректор

Выйдя из разочарованного магазина, я прошёл в застеклённый тамбур и попал в очередь на таможню.

Здесь должна была решиться главная интрига — пустят ли меня в Грузию. Это был весьма сомнительный вопрос. Грузин, например, в Россию не пускали. А русских в Грузию — только с визой. Визу же надо было получать в Москве, в посольстве, которое не работало.

Грузинская виза, читатель, — это особый разговор. Когда ты читаешь эти строки, наверняка ситуация с этими визами уже изменилась, ибо она меняется, бывает, каждый день.

Весной 2009 года схема была такой: над грузинским посольством в Москве висел швейцарский флаг. И называлось всё это «зона грузинских интересов при посольстве Швейцарии». Ибо официально Тбилиси и Москва дипломатических отношений не имели.

Внутри зоны сидели всё те же работники консульства, которые по привычке продолжали ходить на работу. И, как бы нехотя, вели свои визовые дела. Для москвичей виза в Грузию стоила 35 долларов. Всем остальным визу вообще не давали,